

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(6), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сафонов Д. А. Судьи в советской провинции 1930-х годов : проблема кадров / Д. А. Сафонов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 6. — С. 463—480. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-463-480.

Safonov, D. A. (2026). Judges in Soviet Provinces of 1930s: Personnel Problem. *Nauchnyi dialog*, 15 (6): 463-480. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-463-480. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Судьи в советской провинции 1930-х годов: проблема кадров

Сафонов Дмитрий Анатольевич¹

orcid.org/0000-0003-0882-4592

доктор исторических наук, профессор,

¹ заведующий кафедрой истории;

² ведущий научный сотрудник,

научно-исследовательская лаборатория

«Коммуникационные аспекты

исторического и социального-

экономического развития общества»²

d_safonov@mail.ru

¹ Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко (Оренбург, Россия)

² Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00132-II «Поколение “революционного перелома” в судьбе российской деревни первой трети XX века»

Judges in Soviet Provinces of 1930s: Personnel Problem

Dmitry A. Safonov¹

orcid.org/0000-0003-0882-4592

Doctor of History, Professor,

¹ Head of the Department of History;

² leading research scientist,

Research Laboratory

“Communicational Aspects

of the Historical and Social-Economic

Development of Society”²

d_safonov@mail.ru

¹ Orenburg State University named after V. A. Bondarenko (Orenburg, Russia)

² Tambov State Technical University (Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by Russian Science Foundation (RSF), project № 22-18-00132-II “Generation the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian countryside in the first third of the 20th century”

© Сафонов Д. А., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению реализации кадровой политики партии в судебной сфере в 1930-х годах в Оренбургской области. Составлен просопографический портрет судебных работников конкретного провинциального региона. Источниками выступили личные дела партийной номенклатуры из фонда Оренбургского обкома КПСС (фонд 371 Объединенного государственного архива Оренбургской области) за период 1934—1941 годов. В результате сплошного просмотра дел номенклатуры указанного периода было выявлено 71 дело, что составило естественную выборку. Кроме социально-демографического портрета, были проанализированы требования к судьям и критерии качества их работы, предъявляемые властью и партией. Установлено, что при отборе кадров кандидаты должны были соответствовать двум позициям: быть надежными в политическом отношении и обладать профессиональными навыками. Отмечается, что при этом созданная в конце 1934 года Оренбургская область на начальном этапе остро нуждалась в кадрах, в том числе и судей. На основе проанализированных материалов сделан вывод, что в сложившихся условиях первоочередным фактором, определяющим выбор кандидата, была именно идейная надежность. Автор статьи полагает, что выдвижение на ключевые посты мотивировалось не социальным происхождением, но партийностью, а членство в партии, в свою очередь, основывалось на происхождении.

Ключевые слова:

партийная номенклатура; судьи; кадровый отбор; профессиональная подготовка; идейная надежность; партийный контроль и надзор.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the implementation of party personnel policy within the judicial sphere during the 1930s, focusing on a specific provincial region — Orenburg oblast. Drawing on prosopographical methods, the study reconstructs a collective portrait of local judicial officials. The primary source base consists of the personal files of party nomenclatura from Fond 371 (the Orenburg Regional Committee of the CPSU) held at the United State Archive of Orenburg Oblast, covering the period from 1934 to 1941. A comprehensive review of the archival holdings for this period yielded seventy-one dossiers, which constitute the natural sample for this analysis. Beyond constructing a socio-demographic profile, the author analyzes the criteria and requirements imposed by the state and the Party regarding both candidate selection and professional performance standards. It is argued that candidates were required to satisfy two fundamental prerequisites: political reliability and requisite professional competencies. The findings indicate that upon its establishment in late 1934, Orenburg oblast faced an acute shortage of qualified cadres across all administrative branches, including the judiciary. Based on the materials analyzed, the paper concludes that under these circumstances, ideological trustworthiness was the paramount factor determining appointment decisions. The author posits that promotion to key positions was driven not by social origin per se, but rather by formal Party membership; conversely, admission into the Party itself remained contingent upon class background.

Key words:

party nomenclatura; judges; personnel selection; professional training; ideological reliability; party control and supervision.

УДК 94:[343.16+347.962](470.56)“193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-463-480

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Судьи в советской провинции 1930-х годов: проблема кадров

© Сафонов Д. А., 2026

1. Введение = Introduction

К проблеме кадровой политики в судебной сфере и состоянии кадров судебных работников на разных этапах истории советского государства исследователи обращались неоднократно. В советской историографии доминировал комплиментарный подход — поступательное движение от хорошего к лучшему с игнорированием «неудобных» вопросов вроде репрессий 1930-х годов. В постсоветской традиции «белым пятнам» места уже не было. В определенном смысле сохраняется некоторая преемственность с советской историографией: несмотря на все отрицательные моменты, в целом судебная система развивалась достаточно успешно [Олейник, 2005, с. 12], со второй половины 30-х годов особое внимание стало уделяться профессиональной подготовке — юридическому образованию [Бузмакова и др., 2021, с. 10].

Новым становится мнение о якобы имевшем место на начальном этапе советской истории противостоянии партии (варианты: государства, правительства) и судебной системы, в котором партия / государство / правительство стремились поставить суды под свой жесткий контроль и в итоге добились этого [Исаев и др., 2012; Бузмакова и др., 2021; Севрюков, 2013]. Объяснялось это желанием сформировать преимущественно «идеологически правильный», а не квалифицированный судебский корпус [Севрюков, 2013, с. 172].

Некоторые расхождения наблюдаются в определении времени «окончательного» подчинения: 1920-е — начало 1930-х годов [Бузмакова и др., 2021, с. 5], 1932—1935 годы [Крыжан, 2016, с. 26], середина 1930-х годов [Жуков, 2008, с. 331]. Если есть временной рубеж, то получается, что вплоть до него судебная система сопротивлялась процессу: в 1920-х годах «для органов юстиции было характерно общее стремление обеспечивать законные права советских граждан и отстаивать их в случае нарушения» [Крыжан, 2014, с. 59]. Далее выстраивается логическая цепочка: после подчинения «карательно-административные органы» «всей мощью» использовались для утверждения тоталитарной политической системы сталинского типа [Жуков, 2008, с. 331] (вариант: «Тем самым закладывалась основа механизма власти однопартийного государственного административного социализма» [Сорокун, 2015, с. 132]). Но следствием

этой «победы» были также снижение качества кадрового состава [Кодинцев, 2010], снижение компетентности и профессионализма работников [Севрюков, 2013], усиление бюрократизма [Крыжан, 2014], низкое качество судебных решений по гражданским и уголовным делам [Исаев и др., 2012] и в конечном итоге — деградация всей правоохранительной системы. Опять-таки, следуя логике рассуждений, можно заключить, что до трагического акта подчинения судебная система работала хорошо, кадры были квалифицированными, закон соблюдался. Потом начались чистки, и примерно к середине 1930-х годов «на смену подготовленным юристам-профессионалам и грамотным делопроизводителям пришли новые работники» [Крыжан, 2014, с. 60]. Как вариант: все произошло еще раньше — «в течение 1928—1929 годов практически весь квалифицированный штат был утрачен» [Шабанова, 2009]. Пришедшие на смену выдвиженцы из рабочих и крестьян уступали практически во всем, кроме идейности, что и объясняло усиление приведенных выше отрицательных моментов. Впрочем, есть и иная точка зрения: стаж, уровень образования и подготовки, социальное происхождение судей со времен Гражданской войны не изменились [Кодинцев, 2010; Папков, 2019]. Нам версия судебного «сопротивления» кажется достаточно надуманной; даже если взять самый ранний временной рубеж (конец 20-х годов), то следует принять, что не менее десяти лет после революции в судах работали «квалифицированные кадры» прежнего режима, и работали успешно. Возникают «неудобные» вопросы: как, например, это согласовывалось с декретами «О суде» или идеей «революционной сознательности»? Вероятно, наиболее убедительным аргументом был бы детальный анализ личных данных судебных работников до пресловутого «подчинения». Но таких работ нет. Есть исследования «портрета народного судьи» после «подчинения», подтверждающие слабость работников нового призыва. Авторы берут в основном три позиции (образовательный уровень, профессиональный стаж и партийная принадлежность) (А. Я. Кодинцев, В. А. Печерский, О. И. Филонова). Г. Т. Камалова (2008) и С. А. Папков (2019) прибавили еще четвертую — социальное происхождение, а С. А. Папков еще и пятую — опыт судебной практики. Вообще в личном листке по учету кадров позиций было значительно больше — например, сословие родителей, участие в гражданской войне и т. п. Вероятнее всего, авторы использовали итоговые архивные справки, где указывались, как правило, именно такие данные в процентном соотношении. Показательно, что практически никто не приводит ни название используемого документа, ни фонд архива, откуда взят цитируемый документ, ограничиваясь общими фразами: «по архивным документам» (Г. Д. Селянинова), «на основе архивных данных» (О. И. Филонова), «на основе анализа архивных данных и правоприменительной практики» (Д. С. Севрюков). Исключением можно считать подсчеты Г. Т. Камаловой [Камалова, 2013] и подход С. А. Папкова, четко указавшего источниковую базу своей работы (сведения на 111 человек) [Папков, 2019].

Серьезной проблемой является то, что авторы не учитывают специфику рассматриваемого периода, основываясь на современном понимании принципов судебной системы, статусе судей, принципе независимости судебной власти, гарантированности исполнения и соблюдения законов и т. п. Несоответствие им наблюдаемого в 1930-е годы и дает основание для резкой критики.

Практически все авторы осуждают партийно-классовый принцип подбора и расстановки кадров, при этом не объясняя, в чем конкретно, по их мнению, заключается минус данного подхода.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Мы поставили задачей составить социально-демографический портрет судебного работника провинциальной губернии на основе доступной источниковой базы.

В качестве таковой нами взяты личные дела партийной номенклатуры одной конкретно взятой области — Оренбургской (в фонде 371 Объединенного государственного архива Оренбургской области). Область была создана за счет выделения трех округов (Оренбургского, Бузулукского и Бугурусланского) из состава Средне-Волжской области в декабре 1934 года (в 1938 году областной центр был переименован в Чкалов). В результате административных преобразований во вновь образуемой области возникло большое количество вакансий для судей и иных работников правосудия (52 района). Нами были изучены все дела партийной номенклатуры, созданные в период 1935—1941 годов (до начала войны) — порядка полутора тысяч. Из них были выявлены дела на 71 человека, у кого в личном деле в листке по учету кадров, где отмечалась «выполняемая работа с начала трудовой деятельности», имелась запись о работе в суде. Таким образом, мы имеем дело с естественной выборкой. Разумеется, выводы, сделанные на материалах одной области, никак не могут носить обобщающий характер, но, с другой стороны, они сопоставимы с данными иных провинциальных губерний, а кроме того, кадровая политика в СССР проводилась по единой схеме. Все упомянутые выше авторы писали о кадровой политике в отношении судей, тем самым прямо или косвенно выделяя такую политику как нечто особое, связанное именно с судебной системой. Между тем это была государственная политика, включавшая в себя создание номенклатуры. В существующей отечественной литературе наиболее распространенным является представление о номенклатуре в толковании М. С. Восленского в его книге «Номенклатура» [Восленский, 1980]. Подзаголовок — «господствующий класс» Советского Союза — показывал совершенно особый статус руководящей партийно-государственной прослойки с ее привилегиями и возможностями, вот только в более поздний период советской истории. Значительная часть авторов придерживаются этой же позиции и разделяют уже отмеченное выше критическое отношение к привлечению на руководящие посты рабочих и крестьян.

В интересующий нас период номенклатура только создавалась — нам близка позиция И. Н. Барцица и И. Н. Краковского, считающих, что становление номенклатуры как основы партийно-государственного управления охватывало 20—30-е годы XX века [Барциц и др., 2025]. Мы склонны видеть в этом не столько формирование «властвующей» партийной элиты, сколько способ обеспечения кадрами важных постов.

Есть еще один важный момент — возможные последствия приказа Федерального архивного агентства № 38 от 20.03.2025 «Об утверждении порядка отнесения документов Архивного фонда Российской Федерации, хранящихся в государственных и муниципальных архивах, к документам, содержащим служебную информацию ограниченного распространения, а также снятия указанного ограничения». Изменение режима выдачи подобных документов, куда относятся и личные дела, затрудняет дальнейшую работу с ними.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Опыт составления социально-демографического портрета провинциальных судей в 1930-х годах

Сначала изложим нашу позицию по трем «традиционным» позициям: возраст, происхождение, образование. На наш взгляд, возрастные данные малоинформативны для понимания портрета: родившиеся в XIX веке (1885—1899) составляют 26 чел., или 37 %, остальные участники выборки появились на свет в XX веке. Большинство из них относятся к условному поколению, которое принято называть поколением «революционного перелома» [Вязинкин, 2022; Российская деревня ..., 2025]. Происхождение определялось сословием родителей. Большинство — 70,4 % — составляли крестьяне, среди которых преобладали бедняки (18 человек), тогда как середняков оказалось всего двое (в документах также встречается формулировка «сын крестьянина-письмоносца»). Достаточно неожиданно, что двое указали родителей из казачьего сословия. Учитывая настороженное отношение к казакам в крае после Гражданской войны, такой выбор требовал определенной смелости. Среди прочих изученных нами личных дел нам встречались случаи, когда казаки намеренно называли себя крестьянами. В данном же случае своего происхождения респонденты не скрывали — при том, что должность судьи была более чем политически ответственной. Рабочих было всего 14 чел. (20 %); в том числе: рабочий рыбной промышленности — 1, чернорабочий — 1. Остальные пять: трое сирот и двое — из семей кустарей. Практически у всех происхождение было «правильное» — рабоче-крестьянское. Столь же правильно все было с партийностью: членами партии были 89 %, комсомольцами — 11 %. Охарактеризуем партийный стаж должностных лиц в выборке: вступили в партию во время гражданской войны 13 (18 %), в 1920-е годы — 21 чел. (30 %), в начале 1930-х годов, точнее, в 1931—1933 годах (до временного прекращения приема в партию) — 16 чел. (23 %), в 1938—1939 годах — 9 чел. (13 %), во время

Великой Отечественной войны — 2 чел. Образование указывалось на момент поступления в судьи: низшее (сюда же начальное; «сельская школа», низшее 3 года, низшее 4 года, ЦПШ 1 ½ года) указали 36 чел. (51 %), среднее — 33 чел. (46 %), высшее образование — 3 %. У одного респондента заполнена графа «Ученая степень» — «нарсудья» [ОГАОО, ф. 371, оп. 20, д. 1287, л. 7].

Работники на новую должность выдвигались; о факте выдвижения в автобиографии говорилось едва ли не вскользь, как о само собой разумеющемся: «поступил работать...», «меня выдвинули», «райкомом и райисполкомом утвержден на должность судьи», «фабрика выдвинула», «в порядке выдвижения из молодежи я был избран нарсудьей», по мобилизации райкома, по «командировке» райкома комсомола, райком комсомола совместно с райкомом партии послали в юридическую школу. Мы насчитали 39 вариантов должностей, с которых люди были взяты на работу судьями (в некоторых случаях — сначала направлены в юридические школы с дальнейшим направлением в судьи). Среди них: шорник, слесарь, пекарь, уборщица в школе, нормировщик на паровозоремонтном заводе, тракторист, кассир, машинистка, швея, зав. складом, зав. почтовым агентством, из ОГПУ — 2 чел., учителя — 2 чел., из милиции — 4 чел., 7 чел. сразу после РККА, отозваны с рабфака — 3, из райисполкомов — 4, райкома партии — 4, спецработник в мясовоховзе, летчик (отчислен из училища по состоянию здоровья и неупеваемости).

Исследователи высказываются в том смысле, что с середины 1930-х годов власти начали целенаправленно повышать профессиональный уровень новобранцев. По имеющимся у нас данным, специальное образование получили 68 %. В период существования Средне-Волжской области ключевой базой их подготовки служила Самара. Судя по материалам личных дел, обучение на шестимесячных юридических курсах проходило в 1922–1923, 1927, а также в 1931–1932 годах. Среди упомянутых учебных заведений значатся курсы при губернском (позднее, после 1927 года — краевом) суде, милицмейская школа и специальные юридические курсы с квалификацией «народный судья». Объединяет их только шестимесячный срок. Кроме того, в документах отмечена Куйбышевская одногодичная юридическая правовая школа 1938–1939 годов. Ряд судей окончили годичную школу в Оренбурге — 5 чел., но по разным специальностям: «судья», «юрист», «народный судья». Кроме того, упоминались проходившие в Оренбурге шестимесячные курсы по переподготовке судебных работников, годичные юридические курсы при областном суде, юридические курсы при Чкаловском облсуде, правовая школа при областном суде, шестимесячные юридические курсы при правовой школе, шестимесячные юридические курсы судебно-следователских практических работников при управлении Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР по Чкаловской области. Перечисление создает желаемую иллюзию массовости подготовки кадров и повышения качественного уровня подготовки — на похожих примерах подтверждают этот тезис сторонники мнения о повышенном внимании

власти к юридической подготовке. Вполне вероятно, что в приведенном списке имеются повторы: к личным делам не требовалось приложение документа о полученном профобразовании, а респонденты в массе своей ограничивались кратким упоминанием об обучении. Уточнений относительно того, кто и как в столь сжатые сроки готовил кадры судей, нет.

Кроме Самары (Куйбышева) и Оренбурга (Чкалова), несколько будущих судей учились в других городах: Ленинграде, Москве, Смоленске, Саратове, Казани. У некоторых отмечено позднейшее доучивание: заочное обучение в юридических институтах и иных учебных заведениях, начиная с конца войны и в послевоенный период: так, работавший с 1929 года судьей Тепляков стал студентом-заочником Куйбышевского юридического института в 1951 году [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1821]. Получается, что ранее уровень его подготовки всех устраивал.

Выскажем убеждение, что за ограниченное количество месяцев подготовить квалифицированного специалиста вообще, и тем более юриста, практически невозможно. Обучение на курсах и в школах явно решало иные задачи: очередную проверку на идейную верность и создание навыков правильного исполнения судопроизводства. Вероятно, не случайно достаточно скоро судьями становились те, кто занимался именно делопроизводством: секретарь народного суда, секретарь следственного отдела, машинистка райотдела НКВД, делопроизводитель суда — всего 9 чел.

Итак, профессиональное образование в той или иной форме получили 68 % работников. Остальные 32 % были выдвинуты и работали без обучения (23 чел.). Кадровая замена должна была обеспечить прежде всего идейную надежность работника, гарантировать таковую — райком или трудовой коллектив выступали в качестве такового гаранта. Следующим уровнем проверки были как раз курсы, и совсем не обязательно юридические. Но были и те, кто миновал фильтры курсов и школ, — вероятно, те работники, чья политическая надежность была подкреплена иначе: служба в милиции — 12 чел., в частях особого назначения (ЧОН) — 9, в ЧК — 6 чел.

Судя по всему, власть и не рассчитывала быстро получить квалифицированных юристов. Косвенным доказательством может служить то, что работающий судья вполне мог быть переброшен на другую работу, не связанную с правом, если возникали проблемы с очередной мобилизацией. Упомянутые выше исследователи обращают основное внимание только на случаи увольнения судей за серьезные проступки, особо выделяя политические, привязывая их к репрессиям 1937 года: «Тысячи советских судей были уволены или репрессированы» [Кодинцев, 2010]; «В годы массовых репрессий, тотальных чисток в судах...» [Севрюков, 2013]; «Те судьи, которые внутренне не соглашались с политикой массовых репрессий, отказывались фабриковать дела, сами становились жертвами сталинской тоталитарной машины»; «В 1937—1938 годах участие судей в политическом терроре стало вопросом их жизни и смерти» [Сергиенко, 2009, с. 21]. Но факты подкрепляют наше

мнение об относительной легкости замены: Н. Л. Ракитин последовательно служил в милиции, прокурором, судьей, в ОГПУ и вновь судьей [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 46]; И. П. Уткин — судья, зав. райторгом, вновь судья [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 2982]; И. А. Стародубцев — тракторист, судебный исполнитель, председатель райсовета ОСОАВИАХИМа, вновь судебный исполнитель [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1393]; П. Д. Синицкий — судья, работник райкома партии, директор совхоза, прокуратура [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 968]; М. Л. Тепляков — судья и член губсуда, в 1931—1937 годах — директор свиноводческого совхоза, вновь судья [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1821]. Настойчивость исследователей, заявляющих о качественных переменах в деле профессиональной подготовки с середины 1930-х годов, входит в некоторое противоречие с подобными данными. Имеющиеся в нашем распоряжении источники говорят об ином. По факту нет ни одного случая ареста в 1937 году как «врага народа». Суммируем варианты отставок.

1. Женщины переводились по месту службы мужа. Например, у судьи К. Е. Сенициной в деле указывалось кратко: освобождена от работы в 1939 году «по семейным обстоятельствам» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 974].

2. Должностное лицо поступает на замену на другую должность, необязательно юридическую (об этом см. выше).

3. Уход на повышение. Наиболее наглядно это видно на примере судей областного суда. Из восьми судей трое (Н. Л. Ракитин, К. В. Толмачев, И. А. Тимофеева) состояли членами спецколлегии областного суда, затем были направлены в ОГПУ [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 46; д. 1965; д. 1861], И. И. Сухобокова — в прокуратуру [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1653], М. С. Федосов — в распоряжение Наркомата юстиции [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 2409].

4. Уход по отрицательной характеристике. И. К. Смелов указывает: «С 15 декабря 1938 года я был освобожден от работы нарсудьи по отрицательной характеристике, данной секретарем Шарлыкского райкома ВКП(б)» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1111, л. 5].

5. Отставка из-за нарушения трудовой дисциплины. Управление НКЮ по Чкаловской области в августе 1940 года поставило на бюро обкома вопрос об освобождении судьи Л. А. Сырцова, ушедшего на реку с ночевой ловить рыбу. Действие было квалифицировано как грубейшее нарушение Указа Верховного Совета от 26.06.1940 года [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1674, л. 17].

6. Отставка «по мотивам служебного злоупотребления» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1861, л. 12].

7. Отставка за сокрытие компрометирующих данных. И. В. Шумеев в 1938 году был обвинен в том, что скрывал свою службу в белой армии — 6 месяцев по мобилизации. Был уволен несмотря на положительные отзывы о работе [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 3576, л. 10].

8. Уход с мотивировкой «как не справившийся». В августе 1938 года С. С. Суворов подал заявление в райком с просьбой освободить его от должности: «Встре-

чается очень много вопросов, которые я затрудняюсь разрешать, ввиду того, что у меня малое общее образование, а также еще и потому, что у меня имеется совершенно низкое политическое образование» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 25, л. 10]. Был освобожден с указанной формулировкой.

Наконец, фиксировалось оставление должности по здоровью (3 чел.). Показательно, что есть и обратный вариант: И. А. Тимофеева обком направил на работу судьей после увольнения в запас по состоянию здоровья из ОГПУ [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1861].

Все писавшие о судах в рассматриваемый период вольно или невольно представляли себе судебный процесс таким, каким он должен быть, с некоторыми допущениями недостатков, объясняемыми субъективными причинами: слабое общее образование судей, почти символическая профессиональная подготовка. В реальности все было значительно хуже. Так, начальник Гавриловского райотдела милиции в докладной записке в райком партии сообщал: «Процесс судебного заседания проходит таким образом: курят, семечки грызут, шум и подтверждается тем, что обвиняемый Шонин и Розеватов во время суда подошли к столу и взяли дело у судьи и доказывают друг другу где какие счета, о чем они говорят, а судья с ними спорит» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 701, л. 21 об.].

Уместно поставить вопрос об оценке качества работы судей по критериям 1930-х годов.

3.2. Требования к судьям и критерии их работы

Документов инструктивного характера, в которых бы подобные требования формулировались, в нашем распоряжении нет. Основным источником служит содержащийся в личных делах так называемый «учетно-характеризующий материал»: характеристики, режэ — вторичные документы, а именно — объяснительные записки, заявления и т. п.

Характеристики двух типов: партийная и так называемая «политделовая характеристика», сначала подписываемая председателем облсуда и начальником отдела кадров, а позднее — начальником управления НКЮ по Чкаловской области. Данные о происхождении, образовании, партийности и проч. носят дежурный характер и для нашего исследования значения не имеют. Ясными критериями качества работы можно полагать количество рассмотренных дел и результаты их рассмотрения. Обязательно акцентирование на недочетах работы: по оформлению документов, подготовленности к судебному заседанию, разбору дела на процессе. Также обязательно свидетельство о положительных качествах, исправлении недочетов.

Партийная характеристика имела дополнительный информационный блок о личных качествах судьи, например: «В практике своей работы тов. Шатилов допускал либерализм к спекулянтам и нарушителям указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.6.1940 года, за что ему объявлен на заседании бюро РК выговор. Часто выпивает, не только с подчиненными работниками своего аппарата,

но и с бывшими кулаками из спецпоселка у себя на дому... Над собой почти не работает, историю ВКП(б) изучает плохо, в политических вопросах ориентируется слабо, проявляет зазнайство, о себе высокого мнения, от партийной организации держит себя оторвано, авторитетом среди населения не пользуется. Бюро РК считает, что тов. Шатилова оставлять на работе в качестве народного судьи невозможно» [ОГАОО, ф. 371, оп. 39, д. 8141, л. 19].

Разберем «компрометирующие» данные. Начнем с количественных показателей — числа отмененных, измененных, прекращенных судебных решений по уголовным и гражданским делам. Многие авторы полагают значительное количество таких дел верным индикатором качества работы в целом, что использовалось для подкрепления тезиса о падении квалификационного уровня судей после активного продвижения рабочих и крестьян [Исаев и др., 2019, с. 39]; О. Г. Бузмакова и Д. Ю. Михеев полагали катастрофическим факт, что в начале 1930-х годов в Сибирском крае отмена решений в судах первой инстанции достигала 70 % [Бузмакова и др., 2021, с. 8]. Мы считаем, что существовали допустимые проценты пересмотра дел, впрочем, не заявляемые и, вероятнее всего, незафиксированные. Только в документе 1951 года встречается уточнение: «Недостатком является значительная отмена приговоров: в 1949 г. облсудом отменено 48 % приговоров, в 1950 г. 45,6 %. В 1951 г. лучше, но ниже среднеобластных» [ОГАОО, ф. 371, оп. 30, д. 666, л. 26]. Можно предположить, что рубежом считалось 50 %. Но это данные послевоенного периода.

Таким образом, количество отмененных решений нельзя считать определяющим индикатором. Все завершалось суждением, имевшим некоторые стилистические различия, но по сути сходным: имярек «в первый период своей работы допускал по делам много ошибок, но после проверки его работы и инструктажа ... быстро исправляет ошибки, стремится повысить качество работы, залежи дел не допускает» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 2257, л. 8].

Партийные структуры требовали, чтобы народные суды работали в связи с массами: приговоры по наиболее серьезным делам нужно было обнародовать для создания «общественного мнения»: «Общественное сомнение в отдельных случаях неправильного осуждения создавалось не в пользу суда» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 854, л. 8]. Предусматривались меры для уменьшения ошибочных или неверных решений — от судей требовали планирования подготовительных заседаний, «с непременною участием прокурора», где дело надлежало «глубоко изучать», «избегать ошибок в определении обвинений» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 854, л. 8]. В обязанности судей («считать обязательным условием и необходимой работой» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 854, л. 8]) была включена работа среди населения по разъяснению революционной законности. Они должны были «отчитываться перед населением не менее 2-х раз в месяц, вскрывая посредством этого свои ошибки и исправляя их в последующем» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 854, л. 8].

У партийных структур, при кажущейся схожести требований к судьям, было свои, особые требования; или, правильнее сказать, свои оценки. Так, по оценке начальника управления НКЮ судья В. И. Бондаренко соответствовал должно-сти: процент оставленных приговоров у него был едва ли не самый успешный по сравнению с другими (86 % по уголовным и 70 % по гражданским делам). Общественно-массовая работа хотя и была оценена как «недостаточная, но она проводилась. Было сделано 7 докладов перед населением. Также было установлено, что судья «административных взысканий не имеет. В быту выдержан» [ОГАОО, ф. 371, оп. 30, д. 196, л. 12]. И здесь же, в деле, представлена партхарактеристика: «В работе не инициативен, халатно относится к разбору дел, в результате чего некоторые дела рассматриваются с большим опозданием, имеется брак в работе, с нарзаседателями никакой воспитательной работы не проводит. *Работает в отрыве от районных партийных и советских организаций*, над повышением своего идейно-политического уровня не работает. С докладами и беседами на политические темы среди населения не выступает. Перед избирателями о работе нарсуда отчитывается плохо, авторитетом среди населения не пользуется, много уделяет внимания для личных целей». Вывод райкома: «Оставлять нецелесообразно» [ОГАОО, ф. 371, оп. 30, д. 196, л. 16].

Вероятно, на основе подобных квалификаций в характеристиках на судей вроде выделенной нами фразы и делаются некоторыми исследователями выводы о якобы конфликте честных судей и партийных проводников сталинского террора. Между тем факты говорят несколько об ином. Секретарь Александровского райкома партии сообщал начальнику 2-го отд. УГБ НКВД по Чкаловской области: «Нарсудья тов. Серов еще в 1939 году начал проводить отчеты перед трудящимися. Правда, в первое время эти отчеты были построены без ведома РК ВКП(б) самостоятельно народным судьей. Но вскоре эта неверная позиция народного судьи общественностью и РК ВКП(б) была осуждена, после чего отчеты нарсудьи статьи сопровождаться более или менее планоно, с соответствующим контролем и подготовленностью» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 854, л. 39].

Мы полагаем знаковой и определяющей фразой, наличествующую в любой характеристике: «Политику партии и правительства проводит правильно». Возникает вопрос — какова эта политика?

Исследователи по-разному определяют принципы деятельности партии для анализируемого периода: вмешательство в процесс отправления правосудия [Бузмакова и др., 2021, с. 6]; внедрение рабочих и крестьян на должности судей [Исаев и др., 2012, с. 35]; удерживание власти через установление партийного контроля над судебной ветвью — «партийные и советские работники привыкли повелевать» [Крыжан, 2018]; создать «стабильный аппарат конформистски настроенных юристов, заинтересованных в карьере на судебном поприще, своевременно и в точности выполняющих государственные задачи» [Папков, 2019, с. 18].

Ряд авторов, не конкретизируя, высказываются о том, что судебный аппарат должен был «четко выполнять партийные директивы» [Шабанова, 2009, с. 16; Сергиенко, 2009, с. 20]. При этом партийные решения для судей якобы имели большую юридическую силу, чем законы [Сергиенко, 2009, с. 20].

Рассуждения об усилении карательной политики в начале 1930-х годов связываются с выводами об усилении тоталитарного режима: «К судьям, противодействующим проведению нужной карательной политики, применялись меры административного воздействия» [Шабанова, 2009, с. 16]; «Именно суды и другие правоохранительные органы были наиболее эффективным инструментом коммунистического режима в деле государственного насилия над собственными гражданами. Судебные органы при рассмотрении конкретных дел руководствовались не принципами законности и справедливости, а, прежде всего, политическими мотивами» [Сергиенко, 2009, с. 21]. В итоге юридическое понятие «карательный» приобрело ярко выраженный негативный оттенок. Между тем любое государство осуществляет меры с целью подавить, пресечь чьи-либо действия. Кроме того, в реальности к карательным органам относятся не только суды и прокуратура, но и пенитенциарная система, полиция (в данной ситуации — милиция). По упрощенному толкованию термина получается, что судья мог вынести жестокий приговор, а мог и мягкий: «Судьи дальневосточных судов, выполняя директивы власти, стали применять жесткие меры наказания к расхитителям социалистической собственности» [Там же, с. 20]. На деле статьи кодексов включали варианты наказаний — с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, то есть жесткие и менее жесткие. Окончательный выбор был за судьей. Несомненно, воздействовать на судью в ту пору, с учетом партийной дисциплины, в определенном направлении было возможно, но видеть в этом «деформацию правосудия» [Там же, с. 21] просто нелепо. Но так создавался желаемый вывод о якобы противостоянии судей усиливающемуся репрессивному режиму, подкрепляемый общими рассуждениями о репрессиях против тех, кто поддерживал «законное» правосудие. Важно понимать, что самые суровые, даже жестокие, даже антигуманные, но принятые с соблюдением всех процедур нормативные акты обязательны к исполнению.

Рассмотрим, в чем же заключалось «ужесточение». Речь шла не об общем курсе, а только о решениях по делам растрат, хулиганства и в особенности по делам о спекуляции. Судей обвиняли в мягкотелости, и главным аргументом было то, что «мягкие приговоры не привели к сокращению растрат, хулиганства и спекуляции» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 854, л. 8]. «В связи с ослаблением карательной политики по делам о спекуляции, растратах, хулиганстве» партийные структуры требовали от судов «усилить репрессии по этим делам, устраивая показательные процессы» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 854, л. 8]. Подобные инициативы вполне вписываются в извечную борьбу позиций относительно эффективности тяжелого наказания: в истории права немало примеров, когда власть полагала особую жесткость наказаний гарантом соблюдения закона. В данном же

случае мягкость судебных решений оценивалась как демонстрация слабости: начальник Гавриловского райотдела милиции писал в докладной записке в райком, что «карательная политика народного суда Гавриловского района в лице нарсудьи Свинова по растратам, хищениям и спекуляции является примиренческой, явно попустительство преступникам» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 701, л. 18].

Партийные структуры районов не просто руководили работой судей — они их контролировали полностью.

4. Заключение = Conclusions

Кадровая проблема для советского государства в 1920—1930-х годах стояла достаточно остро, и она решалась в экстремальных условиях острого кадрового голода. Постоянные мобилизации, заявляемые кампании «выдвиженчества», «оробочивания» / «окрестьянивания» кадров вместе с крылатыми фразами вроде «Мы и кухарку каждую выучим управлять государством» создавали у последующих исследователей практически очевидную картину доминирования классового подхода в отборе кадров. На начальном этапе советской истории назначение на ответственный пост человека с низшим образованием и без профподготовки выглядело как специфика революционной эпохи, как крайне вынужденная мера экстремальных годов гражданской войны и нэпа и потому вызывало определенное сочувствие, понимание у последующих поколений и исследователей. В дальнейшем советская мифология создала легенду о людях, бывших «никем», оказавшихся в итоге «всем», способных при минимуме знаний в итоге достичь высоких и ответственных постов — в стиле: «Я знал рабочего. / Он был безграмотный. / Не разжевал даже азбуки соль. / Но он слышал, как говорил Ленин, / и он знал — всё» (В. В. Маяковский). Успешно развивающийся Советский Союз самым фактом своего существования косвенно подтверждал правильность и эффективность избранного курса.

Очевидно, что выдвиженцы имели рабоче-крестьянское происхождение, и нет оснований для оспаривания или дополнительного подтверждения этого факта. И даже постсоветские авторы, позволяя себе в новых условиях критику выдвиженчества, по сути признают, что кадровый курс был хоть и с оговорками, но успешен.

Следует признать, что при выдвижении людей на важные посты (номенклатурные должности) учитывалась их принадлежность к партии (для более молодых — комсомолу). Среди сотен и сотен просмотренных нами дел партноменклатуры Оренбургской области дел беспартийных не более десятка. Все достаточно объяснимо: членами партии могли быть прежде всего сознательные рабочие и крестьяне. Иными словами, мы полагаем, что выдвижение мотивировалось не социальным происхождением, но партийностью. А членство в партии, в свою очередь, основывалось на происхождении. Наличие партийного билета было в рассматриваемый нами период не гарантией доступа к благам и иным возможностям, о чем писал М. С. Восленский позднее, а своего рода гарантом

надежности человека: стоит напомнить о партийных чистках 1920-х — первой половины 1930-х годов. В. И. Ленин действительно высказывался о привлечении к управлению страной сознательных рабочих (кстати, с предварительным обучением управлению): достаточно абстрактный «сознательный рабочий» обладал или мог обладать теми качествами, которые привели бы советскую власть к успеху. Более прагматично мыслящий И. В. Сталин подобных суждений не допускал; он был более конкретен. Так, еще на XII съезде партии И. В. Сталин изложил свое понимание принципов подбора людей: «Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять эти директивы как свои родные и умеющие их проводить в жизнь» [Стенографический отчет ..., 1923, с. 56]. Здесь налицо два момента: профессиональная подготовка и идейная надежность. Последний момент оказался в итоге определяющим. Потенциальный работник по факту проходил несколько проверок: партийный орган делал запрос, и парторганизация рекомендовала (а по сути, в обязательном порядке находила кандидатуру, порой не самую удачную). Иными словами, ячейка брала на себя ответственность; той же цели, а именно — проверке, служили самые разные курсы, начиная от совпартшкол. Дополнительной гарантией идейной чистоты были факты службы в ЧК, отрядах ЧОН, военных трибуналах. Идейно надежный, но профессионально неподготовленный человек мог легко перемещаться по самым разным должностям, в зависимости от требований момента. Ситуация стала несколько меняться со второй половины 1930-х годов, когда профподготовка стала хоть как-то учитываться: хотя возможны были перемещения милиционер — судья — прокурор, но все же работник оставался в целом в сфере правопорядка и правосудия.

Анализ личных дел судей одного региона показал, что большинство тех, кто пришел на судейские посты в 1930-х годах, продолжали работу в 1940-х и начале 1950-х годов, что свидетельствует в пользу вывода о том, что их уровень подготовки соответствовал ожидаемым требованиям: полное подчинение партийным структурам и соблюдение процедурных вопросов — и то, и другое приобреталось через практику.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371 (Оренбургский обком КПСС). Оп. 26а. Д. 8588. Оп. 28. Д. 9. Д. 25. Д. 46. Д. 196. Д. 256. Д. 701. Д. 747. Д. 791. Д. 854. Д. 896. Д. 968. Д. 974. Д. 1111. Д. 1131. Д. 1287. Д. 1393. Д. 1562. Д. 653. Д. 1674. Д. 1752. Д. 1821. Д. 1861. Д. 1965. Д. 2257. Д. 2316. Д. 2409. Д. 2982. Д. 3455. Д. 3576. Д. 3619. Д. 3864. Д. 5919. Д. 9029. Оп. 30. Д. 666. Оп. 39. Д. 8141. Оп. 64. Д. 1762.

2. Стенографический отчет : 17—25 апреля 1923 г. / Российская Коммунистическая партия (большевиков), Двенадцатый Съезд РКП(б). — Москва : Красная новь, 1923. — 300 с.

Литература

1. *Барциц И. Н.* Номенклатура как основа партийно-государственного управления : становление (20—30-е годы XX века) / И. Н. Барциц, К. П. Красновский // Государственная служба. — 2025. — № 1. — С. 104—118. — DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-104-118.
2. *Бузмакова О. Г.* Формирование судебных кадров в Сибири в 1920-х — начале 1930-х годов / О. Г. Бузмакова, Д. Ю. Михеев // Юридическая наука и практика. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 5—15. — DOI: 10.25205/2542-0410-2021-17-1-5-15.
3. *Вязинкин А. Ю.* Поколение "революционного перелома" в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.
4. *Восленский М. С.* Номенклатура : Господствующий класс Сов. Союза / М. С. Восленский. — Москва : МП "Октябрь" : Сов. Россия, 1991. — 622, [1] с. — ISBN 5-268-00063-2.
5. *Жуков В. В.* Становление и функционирование советской судебной системы в Башкирской АССР (1919—1929 годы) / В. В. Жуков // Известия РГГУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 85. — С. 327—331.
6. *Исаев В. И.* Судебные кадры в Сибири в годы первой пятилетки (1928—1932) / В. И. Исаев, Д. Ю. Михеев // Вестник Новосиб. гос. ун-та экономики и управления. — Серия: История. — 2012. — № 4. — С. 35—40.
7. *Камалова Г. Т.* Особенности формирования кадров судебных органов Урала в годы нэпа / Г. Т. Камалова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — Выпуск 23. — № 5 (106). — С. 13—20.
8. *Камалова Г. Т.* Особенности кадровой политики в советской судебной системе в годы нэпа / Г. Т. Камалова // Вестник ЮУрГУ. — Серия «Право». — 2013. — Т. 13. — № 4. — С. 18—21.
9. *Каппушев Н. Б.* Кадровая политика в судебных органах Карачая и Черкесии в 1920-е гг. / Н. Б. Каппушев // Вестник АГУ. — 2018. — Выпуск 2 (21). — С. 45—52.
10. *Кодинцев А. Я.* Кадровый состав советских судов в 30-е годы XX века / А. Я. Кодинцев // Администратор суда. — 2010. — № 4. — С. 31—34.
11. *Крыжан А. В.* Бюрократизм и злоупотребления в местных советских учреждениях юстиции (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) / А. В. Крыжан // Новый исторический вестник. — 2014. — № 4 (42). — С. 49—62.
12. *Крыжан А. В.* Влияние первичных партийных организаций на работу местных органов и учреждений советской юстиции в 1920—1930-х гг. / А. В. Крыжан // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2016. — № 2 (71). — С. 22—27.
13. *Крыжан А. В.* Выдвиженчество в местных органах советской юстиции в 1920-е годы / А. В. Крыжан // Ученые записки. — Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2018. — № 4 (48). — С. 77—83.
14. *Олейник И. И.* Становление системы подготовки юридических кадров в советской России / И. И. Олейник, О. Ю. Олейник // Вестник ИГЭУ. Ивановский государственный энергетический университет. — 2005. — Выпуск 2. — С. 1—12.
15. *Папков С. А.* Судейский корпус Сибири. Руководящий состав 1920—1937 годы / С. А. Папков // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. — 2019. — С. 60—71.
16. *Российская деревня первой трети XX века : поколение «революционного перелома» : монография* / В. Б. Безгин, А. Ю. Вязинкин, В. А. Ипполитов, Д. А. Сафонов, А. А. Слезин, К. А. Якимов. — Москва : Квадрига, 2025. — 504 с. — ISBN 978-5-91791-551-7.
17. *Рыбаков В. А.* «К нам едет ревизор» : Просопографический портрет работников административных органов юстиции РСФСР в годы Великой Отечественной войны / В. А. Рыбаков // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2023. — Т. 14. — Выпуск 4 (126). — С. 17—22. — DOI: 10.18254/S207987840020384-1.

18. Севрюков Д. С. Эволюция цензовых требований, предъявляемых к кандидатам на должности народных судей в РСФСР в 1917—1938 гг. / Д. С. Севрюков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — Вопросы теории и практики — 2013. — № 7 (33). — Ч. I. — С. 172—177.

19. Сергиенко В. А. Становление и деятельность судебных органов на Дальнем Востоке СССР : 1922—1939 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. А. Сергиенко. — Хабаровск, 2009. — 26 с.

20. Сорокун П. В. Особенности формирования кадрового состава окружных органов советской власти в Сибирском крае 1925—1930 гг. / П. В. Сорокун // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2015. — № 1 (1). — С. 125—133.

21. Филонова О. И. Статус судьи и кадровая политика формирования судейского корпуса в период нэпа. / О. И. Филонова // Genesis : исторические исследования. — 2008. — № 1. — С. 60—66.

22. Шабанова И. К. Становление и развитие советской судебной системы в Среднем Зауралье (1918—1938 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. К. Шабанова. — Тюмень, 2009. — 25 с.

Статья поступила в редакцию 07.02.2026,
одобрена после рецензирования 30.06.2026,
подготовлена к публикации 14.07.2026.

Material resources

United State Archive of the Orenburg Region (OSAO). F. 371 (Orenburg Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).
Verbatim report: April 17—25, 1923 / Russian Communist Party (Bolsheviks), the Twelfth Congress of the Russian Communist Party (b). (1923). Moscow: Krasnaya Nov. 300 p. (In Russ.).

References

- Bartsits, I. N., Krasnovsky, K. P. (2025). Nomenclatura as the Basis of Party-State Administration: Formation (1920s—1930s). *State Service, 1*: 104—118. DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-104-118. (In Russ.).
- Buzmakova, O. G., Mikheev, D. Yu. (2021). Formation of Judicial Personnel in Siberia in the 1920s and Early 1930s. *Legal Science and Practice, 17 (1)*: 5—15. DOI: 10.25205/2542-0410-2021-17-1-5-15. (In Russ.).
- Filonova, O. I. (2008). The Status of Judges and the Personnel Policy of the Judicial Corps Formation during the New Economic Policy. *Genesis: Historical Research, 1*: 60—66. (In Russ.).
- Isaev, V. I., Mikheev, D. Yu. (2012). Judicial Personnel in Siberia during the First Five-Year Plan (1928—1932). *Bulletin of the Novosibirsk State University of Economics and Management. Series: History, 4*: 35—40. (In Russ.).
- Kamalova, G. T. (2008). Features of the Formation of the Personnel of the Judicial Authorities of the Urals in the Years of the New Economic Policy. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 23 / 5 (106)*: 13—20. (In Russ.).
- Kamalova, G. T. (2013). Features of Personnel Policy in the Soviet Judicial System during the New Economic Policy. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law", 13 (4)*: 18—21. (In Russ.).
- Kappushev, N. B. (2018). Personnel policy in the judicial authorities of Karachay and Cherkessia in the 1920s. *Bulletin of ASU, 2 (21)*: 45—52. (In Russ.).
- Kodintsev, A. Ya. (2010). Personnel of Soviet courts in the 30s of the twentieth century. *Court administrator, 4*: 31—34. (In Russ.).

- Kryzhan, A. V. (2014). Bureaucracy and Abuses in Local Soviet Justice Institutions (Late 1920s — Early 1930s). *New Historical Bulletin*, 4 (42): 49—62. (In Russ.).
- Kryzhan, A. V. (2016). The Influence of Primary Party Organizations on the Work of Local Bodies and Institutions of Soviet Justice in the 1920s and 1930s. *Scientific Notes of Orel State University*, 2 (71): 22—27. (In Russ.).
- Kryzhan, A. V. (2018). Promotions in Local Soviet Justice Bodies in the 1920s. *Uchenye Zapiski. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 4 (48): 77—83. (In Russ.).
- Oleinik, I. I., Oleinik, O. Yu. (2005). The formation of the system of training legal personnel in Soviet Russia. *Bulletin of IGEU. Ivanovo State Power Engineering University*, 2: 1—12. (In Russ.).
- Papkov, S. A. (2019). Judicial corps of Siberia. The Leadership Staff of 1920—1937. *Historical and Legal Issues: A New Perspective*. 60—71.
- Rybakov, V. A. (2023). “The auditor is coming to us”: A prosopographic portrait of employees of the administrative bodies of justice of the RSFSR during the Great Patriotic War. *Electronic scientific and educational journal “History”*, 14 / 4 (126): 17—22. DOI: 10.18254/S207987840020384-1. (In Russ.).
- Sergienko, V. A. (2009). *Formation and Activities of Judicial Bodies in the Far East of the USSR: 1922—1939*. Author’s abstract of PhD Diss. Khabarovsk. 26 p. (In Russ.).
- Sevryukov, D. S. (2013). Evolution of the Censorship Requirements for Candidates for the Positions of People’s Judges in the RSFSR in 1917—1938. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. *Issues of Theory and Practice*, 7 (33) / 1: 172—177. (In Russ.).
- Shabanova, I. K. (2009). *Formation and Development of the Soviet Judicial System in the Middle Trans-Urals (1918—1938)*. Author’s abstract of PhD Diss. Tyumen. 25 p. (In Russ.).
- Sorokun, P. V. (2015). Features of the Formation of the Staff of the District Bodies of Soviet Power in the Siberian Region, 1925—1930. *Social, Economic, and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*, 1 (1): 125—133. (In Russ.).
- The Russian Village in the First Third of the 20th Century: The Generation of the “Revolutionary Breakthrough”: A Monograph*. (2025). Moscow: Quadriga. 504 p. ISBN 978-5-91791-551-7. (In Russ.).
- Voslensky, M. S. (1991). *Nomenklatura: The Dominant Class of the Soviet Union*. Moscow: MP “Oktyabr”: Soviet Union. Russia. 622, [1] p. ISBN 5-268-00063-2. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). The Generation of the “Revolutionary Turning Point” in the Fate of the Russian Village in the First Third of the 20th Century: Problems of Historiography. *Voprosy istorii*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).
- Zhukov, V. V. (2008). Formation and Functioning of the Soviet Judicial System in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (1919—1929). *Izvestiya of the Herzen State University of Russia*, 85: 327—331. (In Russ.).

*The article was submitted 07.02.2026;
approved after reviewing 30.06.2026;
accepted for publication 14.07.2026.*